

ВЫБОРНЫЕ ИНСТИТУТЫ В РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Сергей Заславский
Доктор юридических наук

В развитии системы выборных институтов в России второй половины XIX – начала XX века немаловажное место занимают выборные правовые институты сословного представительства, возникновение которых в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств то опережало по времени появление выборных начал в формировании органов государственной власти и местного самоуправления, то на протяжении довольно значительного хронологического периода органично соседствовало с ними, взаимодополняясь и перенимая отдельные правила и электоральные процедуры. Такое параллельное развитие профессионально-корпоративных (если изъясняться современными терминами) и политико-территориальных форм выборного представительства в историческом контексте конца XIX – начала XX века представлялось вполне логичным и обоснованным. Избирательное право того времени не было всеобщим, оно базировалось на цензовых ограничениях, а сфера его применения была довольно ограниченной и охватывала только городские и земские представительные учреждения. Значительная часть социально-профессиональных групп в силу особенностей своего правового статуса была выведена за рамки избирательного процесса, а их представители лишались права избирать и быть избранными в общегражданские представительные учреждения. Использование отдельных выборных процедур, применяемых внутри этих корпоративных сообществ, в какой-то мере сглаживало этот правовой дисбаланс, но главное – позволяло учесть коллегиальное мнение в строго определенном перечне вопросов, там, где подобное признавалось необходимым и оправданным.

В связи с этим история развития и использование выборных процедур в русской армии дореволюционной России могут рассматриваться, пожалуй, наиболее яркой страницей в истории институтов корпоративного выборного представительства. Истории примечательной не только тем, что выборные процедуры при-

менялись в армии, то есть в организации, базовыми устоями которой в любом государстве во все времена являлись и являются единоначалие, строгая субординация и дисциплина. Уникальность российского опыта состоит еще и в том, что выборные процедуры находили место на всех этажах служебных отноше-

ний как в офицерской среде, так и среди нижних чинов. При этом участием в данных процедурах военнослужащих все и ограничивалось: вплоть до 1917 года все чины армии и флота, состоящие на действительной военной службе, были лишены как активного, так и пассивного избирательного права, а равно не имели права состоять членами обществ, преследующих политические цели.

Началом появления выборных институтов в русской армии по праву можно считать появление в 1863 году судов общества офицеров (судов чести). Появление данного института, характерного для ряда зарубежных европейских государств того времени (Франции, Пруссии, Австро-Венгрии), в России имело некоторые особенности. Ко второй половине XIX века российское офицерство, прежде всего в армии, во многом уже перестало формироваться исключительно из представителей дворянства. Одновременно с 1840-х годов ужесточаются правила получения потомственного дворянства: самого факта получения первого офицерского чина для обретения дворянства становится уже недостаточно. Нижние уровни служебной лестницы, обер-офицерские должности постепенно заполняли выходцы из других сословий, не всегда имевшие должное представление о нормах поведения, предписываемых правилами офицерской чести, и часто не соответствовавшие им. По свидетельству известного специалиста в вопросах организации судов чести, полковника русской армии П.А. Швейковского, «в восточную войну для укомплектования армии потребовалось большое число офицеров, а потому строгой разборчивости в выборе из желающих поступить на службу не было»¹.

Добавим, что помимо сугубо кадровых причин остроту добавляла атмосфера пореформенной России 1860-х годов, характеризовавшихся распадом социальных связей, разительными изменениями в социальном укладе, бурным развитием капиталистических отношений. В этих условиях особую значимость приобретала проблема сохранения нравственного климата и выработанных с петровских времен корпоративных норм поведения российского офицерства. Суть этих требований емко выразил П.А. Швейковский: «Являясь хранителями чести, офицеры должны обладать не только общечеловеческой честью, присущей каждому человеку, но и так называемую военно-

сословную честью. ... Офицерское общество составляет одну корпорацию, одну военную семью. Каждый офицер, как член этой корпорации, не может относиться безразлично и произвольно к установившимся в этой корпорации правилам и обычаям и не может оставаться равнодушным, видя попрание этих правил другим ее членом»².

Принятое в 1863 году «Положение об охране воинской дисциплины и о взысканиях дисциплинарных» первоначально установило, что суд чести составляется из всех обер-офицеров полка и что такому суду подсудны только обер-офицеры (от прапорщика до капитана). При этом в каждом полку избирался так называемый совет посредников в составе пяти (в отдельных батальонах и артиллерийских бригадах – трех) обер-офицеров, которые проводили предварительное дознание, первоначальный разбор ссор между офицерами. Совету посредников было предоставлено право решать вопрос о виновности офицера и предлагать ему уйти в отставку. Если обвиняемый не соглашался или между членами совета возникало разномыслие, разрешение спора с согласия полкового командира передавалось на рассмотрение всего суда, который либо признавал офицера виновным, либо слагал с него обвинения.

Однако пятилетний опыт существования такой модели выявил как внутреннюю конфликтность двухуровневой модели, так и ее громоздкость, неприспособленность к судопроизводству. Кроме того, объективность и всесторонность рассмотрения вопросов чести требовала участия не только обер-офицеров, как правило, молодых людей, но и старших офицеров с большим жизненным и профессиональным опытом. Поэтому уже в 1869 году на смену ей пришло создание суда общества офицеров как исключительно избираемого из офицерской среды органа.

По новым правилам, суд общества офицеров на уровне полка формировался в составе семи избираемых сроком на один год штаб-офицеров, ротных командиров и иных офицеров не ниже штабс-капитанского чина, а в отдельных батальонах и артиллерийских бригадах – в составе пяти человек, трое из которых состояли в чине не ниже штабс-капитана и двое – не ниже поручика (ст. 134 Дисциплинарного устава). С 1888 года в составе полкового суда чести в обязательном порядке должно было состоять не меньше одного

¹ Швейковский П.А. Суд общества офицеров и дуэль в войсках российской армии. СПб, 1898. С. 7.

² Там же. С. 17.

штаб-офицера и одного капитана, а в судах отдельных батальонов и равных им частей – не менее одного капитана. В более компактных по числу офицеров казачьих полках действовал такой же порядок избрания, как и в отдельных батальонах (пять офицеров), с тем отличием, что требования к чинам избираемых лиц определялись согласно системе казачьих званий, соответствовавших общевойсковым согласно Табели о рангах. В отдельном корпусе пограничной стражи офицерские суды чести создавались по бригадам: в тех из них, где число офицеров превышало 36, применялись правила избрания, установленные для судов чести полков, в остальных – для судов батальонов.

Такое скрупулезное, выверенное отношение к чинам членов суда имело веское основание: необходимо было исключить саму возможность ситуации, при которой в качестве председателя суда чести окажется непосредственный подчиненный лица, чье предосудительное либо недопустимое поведение станет предметом разбирательства в суде, вследствие чего возникнет конфликт статусов. В остальном требования к избираемым кандидатам на должность членов суда общества офицеров соответствовали требованиям к кандидатурам на должность судей общей юрисдикции: они не могли состоять под следствием и судом, а равно быть ранее подвергнуты наказанию, связанному с ограничением по службе.

В соответствующих разъяснительных материалах для офицеров-избирателей также дополнительно обращалось внимание на соответствие избираемых кандидатов моральным цензам, в числе которых – наличие высоких нравственных качеств, свобода от симпатий и антипатий, устойчивость к любому воздействию извне, в т.ч. к «влиянию начальников», готовность в решении дел офицерской чести подчиняться только совести. «Избиратели должны относиться к выборам судей чести не равнодушно, не для соблюдения одной только формальности, а с должным вниманием». Также рекомендовалось накануне избрания судей подробно присмотреться к выдвигаемым кандидатурам. «Пред выборами необходимо путем обмена сведений, взглядов и убеждений хорошенько узнать тех, кого желаешь избрать в судьи».

Порядок избрания состава суда общества офицеров был следующим: по объявлении в приказе по полку о месте, дне и часе выборов все состоящие налицо штаб- и обер-офицеры собирались в означенном месте и по приглашению старшего из присутствовавших штаб-офицеров приступали к голосованию. Все семь кандидатов в суд общества

офицеров полка (в казачьих полках, в отдельных батальонах и артиллерийских бригадах – пять) избирались одновременно. Наряду с действующими членами суда чести избирались и два кандидата, находившиеся как бы в резерве и занимавшие должности членов суда в случае выбытия действующих членов.

Порядок голосования был следующий: каждый из офицеров на отдельном листочке писал девять фамилий избираемых им кандидатов (в отдельных батальонах, казачьих полках и артиллерийских бригадах – семь). Листки собирались полковым адъютантом, который и производил подсчет голосов. Девять кандидатов (в батальонах, казачьих полках и артиллерийских бригадах – семь), получивших наибольшее число голосов, считались избранными, из них два младших по чину считались избранными кандидатами. При равенстве голосов кандидатов преимущество отдавалось старшему по чину, в случае если они были равны по чину, преимущество получал кандидат, имевший старшинство в чине. Примечательно, что избранные в качестве членов суда чести офицеры не имели права отказаться от своей ответственной миссии.

Голосование было тайным, лист голосования не содержал подписи. Явка на участие в голосовании была строго обязательна; отсутствовавший по делам службы или по болезни офицер должен был ко дню голосования прислать свой листок в запечатанном виде на имя кого-либо из штаб-офицеров. Свои особенности имело голосование в отдельном корпусе пограничной стражи: в отдаленных от штаба бригадах погранзаставах офицеры голосовали дистанционно, присылая свой лист голосования в наглухо заклеенной записке, которая вскрывалась бригадным адъютантом в присутствии всех собравшихся на голосование офицеров пограничной бригады.

Выборы проводились ежегодно, как правило, по окончании летних сборов (в фельдъегерском корпусе выборы проводились в декабре). Ранее избранные членами суда чести офицеры в дальнейшем также могли быть избранными на общих основаниях.

Показательно, что в целях исключения воздействия на своих подчиненных командир полка (отдельной части) не только не участвовал в голосовании в качестве избирателя, но и не имел права присутствия на собрании. Соответственно, его функции в выборном процессе сводились к назначению выборов и к объявлению их результатов в приказе по части.

*Офицерский суд чести лейб-гвардии
1-й артиллерийской бригады. 1913 год*

Практически одновременно с судами офицерской чести возникают и офицерские собрания как организации, имеющие целью предоставить офицерам средства для взаимного сближения и поддерживать между офицерами правильные товарищеские взаимоотношения, соответственные духу и требованиям военной службы, призванные содействовать развитию среди офицеров военного образования. Офицерские собрания также решали и бытовые проблемы офицерства, обеспечивая досуг офицеров в свободное от службы время и ухаживая за их питанием.

Еще в 1869 году военное ведомство дало разрешение на устройство офицерских собраний, однако специального положения об офицерских собраниях, обязательного для всех воинских частей, принято не было, поэтому каждая воинская часть составляла свой устав. Начиная с 1874 года возникает единый устав офицерских собраний, причем создание таких собраний становится правом, а не обязанностью. Наконец, в 1884 году утверждается Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск. В соответствии с этим положением каждая воинская часть принимала свое положение об офицерском собрании, которое составлялось по поручению ее комитета специальным координационным органом собрания – Распорядительным комитетом³.

Офицерское собрание было закрытым органом: доступ в него был возможен только офицерам. В соответствии с этим все офицеры полка (отдельной

войсковой части) в силу своего положения являлись действительными членами офицерского собрания, имели право голоса при выборах его органов и обязаны были вносить денежные суммы на его обустройство. Офицеры, временно прикомандированные к полку для изучения службы, состояли в офицерском собрании на правах временных членов. Врачи и военные чиновники, занимавшие штатные полковые должности, не состоя членами собрания, могли быть допущены в него на правах временных членов, которые, однако, не имели права избирать и быть избранными в Распорядительный комитет. Почетными членами могли являться также бывшие командиры полка, состоящие на действительной военной службе, которым специальным решением был присвоен полковой мундир⁴.

Офицерские собрания находились в прямом ведении командира полка, который одновременно являлся его председателем. Организационно-хозяйственной частью офицерского собрания заведовал специальный выборный орган – полковой комитет, состоящий из трех членов и одного кандидата в члены, которые избирались на общем собрании действительных членов. Все кандидатуры в состав комитета должны были быть в чине не ниже штабс-капитана. Из выбранных четырех лиц старший по чину считался распорядителем комитета, а младший становился кандидатом на случай возможного выбытия одного из членов. Одновременно для непосредственного заведования отделами Распорядительного комитета из числа офицеров, прослуживших не менее трех лет, избирались хозяин собрания (заведующий столовой) и библиотекарь, а при необходимости – также их помощники. Участвуя в работе Распорядительного комитета, приглашаясь при необходимости на его заседания, они, однако, не имели права голоса.

Срок выборных полномочий членов Распорядительного комитета офицерского собрания составлял один год, хозяин собрания и библиотекарь в большинстве воинских частей избирались сроком на два года. Как и при выборах членов офицерского суда чести, избранные члены Распорядительного комитета были не вправе отказаться от исполнения выборных полномочий. От исполнения полномочий хозяина собрания и библиотекаря вправе были отказаться только штаб-офицеры, ротные командиры и чины полкового штаба. Также устанавливалась возможность отказа лица, ра-

³ См. напр. Положение об Офицерском собрании Л-Гв. Егерского полка. СПб, Типография Евдокимова, 1899.

⁴ Там же.

Царское село. Артиллерийское офицерское собрание

нее избранного в качестве хозяина столовой или библиотекаря, от повторного занятия должности в течение непосредственно следующих двух лет. В случае отъезда кого-либо из них в отпуск свыше четырех месяцев решением общего собрания избирались их заместители.

Высшим органом офицерского собрания являлось «общее собрание господ офицеров», которое созывалось с разрешения командира приказом по полку. При этом, возглавляя офицерское собрание, командир части собрание не вел, поручая эту функцию всякий раз кому-либо из старших штаб-офицеров. Все вопросы, выносимые на собрание, решались открытым голосованием. Исключением являлись выборы на различные выборные должности, которые проводились тайным голосованием по правилам и процедурам, ранее установленным для избрания членов суда общества офицеров.

Если выборные должности в офицерской среде создавались на уровне отдельных частей, то выборные элементы в организации быта нижних чинов (солдат и унтер-офицеров) существовали на уровне рот, что не случайно: в отличие от современной армии, рота была основной структурой, на базе которой осуществлялась организация хозяйственной деятельности, решались вопросы организации быта, питания, закупки продовольствия, использования имущества и расходных материалов. Кроме того, совершенно официально нижние чины роты имели право в течение нескольких

недель в году (как правило, по окончании летних сборов) участвовать в так называемых вольных работах, то есть заниматься на коллективной основе оплачиваемой хозяйственной деятельностью по заказу сторонних лиц. Все это требовало организации учета имущества, решения вопросов о расходовании артельных сумм. Поскольку решение данного вопроса затрагивало интересы всех членов воинского коллектива, то в изъятие из общих правил замещения всех должностей на основе решений вышестоящих начальников в ротах была установлена выборная должность артельщика.

Артельщик избирался рядовыми и унтер-офицерами сроком на шесть месяцев из числа грамотных рядовых. Выборы артельщика проходили следующим образом: сначала рота избирала четырех достойных кандидатов, после чего командир роты назначал артельщиком одного из них (остальные становились кандидатами на замещение), что оформлялось приказом по полку. На флоте процедура, определяемая Морским уставом, была более демократичной: матросы сами избирали из своей среды артельщика «из числа грамотных матросов 1-й или 2-й статьи, не специалистов, хорошего поведения», который утверждался в должности ротным командиром.

Выборы артельщика проводились открытым голосованием, в котором участвовали все нижние чины, за исключением «ротной хозяйственной элиты»: фельдфебеля, каптенармуса и прежнего рот-

ного артельщика. Срок полномочий артельщика составлял шесть месяцев, причем эту должность солдат или матрос не мог занимать более двух полугодий подряд. В случае если артельщик заболел, оказывался неблагонадежным или неспособным к исполнению должности, ротный командир принимал решение о его замене кем-либо из числа ранее избранных нижними чинами роты кандидатов. Участие ротного командира в процедуре назначения и досрочного прекращения полномочий ротного артельщика было логичным: помимо того что командир в силу должности отвечал за ротное хозяйство, он же в случае недостачи денежных средств по вине артельщика нес субсидиарную материальную ответственность. Новый артельщик представлялся на утверждение полкового командира, и о его назначении объявлялось в приказе по полку с изложением причин смены старого.

Несмотря на то что должность артельщика занимал нижний чин, он пользовался значительными полномочиями по управлению имуществом. В обязанности артельщика входило хранение и расходование вверенного ему артельного имущества; закупка на получаемые от командира роты деньги необходимых для роты припасов или прием их от подрядчиков и своевременное доставление кашеварам всего необходимого для приготовления пищи нижним чинам; закупка нужных предметов на хозяйственные надобности и производство необходимых расходов из образной суммы; ведение полной отчетности о находящихся у него на руках артельных деньгах, припасах и имуществе. На кораблях артельщик принимал пищевые продукты от баталера, присутствовал при вкладывании в котлы съестных продуктов, наблюдал, чтобы вареное мясо полностью разделялось на пайки, лично резал хлеб для выдачи команде, посылался за приемкой провизии и перевешивал принятую провизию на судовых весах, удостоверяя своею подписью количество провизии, отпущенное на команду.

Выборность артельщика из среды нижних чинов, как и определенный им круг обязанностей, диктовались значимостью социально-бытовых вопросов в жизни воинского коллектива, потенциальной конфликтностью отношений, складывавшихся по поводу организации котлового довольствия. От того, насколько добросовестным был артельщик в исполнении своих обязанностей, насколько весомым был его авторитет в глазах сослуживцев (в том числе старших по званию), зависело многое. Встречавшиеся в практике попытки командования игнорировать «выборных», подменять их работу подчас имели последствия самые плачевные. Достаточно вспомнить, что знаменитое восстание на броненосце «Потемкин» началось с того, что злополучное червивое мясо было волевым решением закуплено одним из офицеров судна у знакомого ему одесского торговца вопреки мнению выбранных командой матросов-артельщиков, отметивших его «некондиционность».

Конечно, расценивать исторический опыт использования вышеописанных выборных процедур как полноценное электоральное участие значило бы сознательно выдавать желаемое за действительное. Однако выборные процедуры в организации русской императорской армии по праву заняли свое, подчас скромное, но достойное место в механизме управления русской армией. Не посягая на дух старшинства, единоначалия и подчинения, не затрагивая вопросов организации военного дела, они позволяли эффективно решать проблемы, связанные с устранением конфликтов и решением вопросов чести в офицерской среде, обеспечивать решение вопросов быта, питания и культурного досуга военнослужащих. При всей ограниченности применения указанные выборные процедуры, затрагивая узкий сегмент социальных отношений в воинском коллективе, все же стали начальной школой, заложившей зачатки участия военнослужащих во всеобщих и прямых выборах.

* * *

Несомненен исторический факт: в конце 1917 года в сложнейших условиях позиционной, длившейся более трех лет Первой мировой войны в полосе пяти фронтов и двух флотов, действующей армии удалось организовать и провести первые в истории отечества прямые и всеобщие выборы в Учредительное собрание.

Этот не имеющий исторических аналогов факт голосования миллионной воюющей армии, все чины которой от генерала до рядового впервые получили права избирателей, едва ли стал бы возможен, если бы механизмы электоральных процедур не опирались на ранее выработанные годами выборные практики. ▣